

Нет автора

**Вопросы философии и
психологии: Книга 2**

**Москва
«Книга по Требованию»**

УДК 101
ББК 87
Н57

Н57 **Нет автора**
Вопросы философии и психологии: Книга 2 / Нет автора – М.: Книга по Тре-
бованию, 2021. – 336 с.

ISBN 978-5-458-04652-7

Вопросы философии и психологии. Состоит из 137 книг.

ISBN 978-5-458-04652-7

© Издание на русском языке, оформление
«YOYO Media», 2021

© Издание на русском языке, оцифровка,
«Книга по Требованию», 2021

Эта книга является репринтом оригинала, который мы создали специально для Вас, используя запатентованные технологии производства репринтных книг и печати по требованию.

Сначала мы отсканировали каждую страницу оригинала этой редкой книги на профессиональном оборудовании. Затем с помощью специально разработанных программ мы произвели очистку изображения от пятен, клякс, перегибов и попытались отбелить и выровнять каждую страницу книги. К сожалению, некоторые страницы нельзя вернуть в изначальное состояние, и если их было трудно читать в оригинале, то даже при цифровой реставрации их невозможно улучшить.

Разумеется, автоматизированная программная обработка репринтных книг – не самое лучшее решение для восстановления текста в его первозданном виде, однако, наша цель – вернуть читателю точную копию книги, которой может быть несколько веков.

Поэтому мы предупреждаем о возможных погрешностях восстановленного репринтного издания. В издании могут отсутствовать одна или несколько страниц текста, могут встретиться невыводимые пятна и кляксы, надписи на полях или подчеркивания в тексте, нечитаемые фрагменты текста или загибы страниц. Покупать или не покупать подобные издания – решать Вам, мы же делаем все возможное, чтобы редкие и ценные книги, еще недавно утраченные и несправедливо забытые, вновь стали доступными для всех читателей.

Серия Книжный Ренессанс

www.samizday.ru/reprint

ВОПРОСЫ ФИЛОСОФИИ И ПСИХОЛОГИИ.

Отношенія Вольтера къ Руссо.

Вольтеръ и Руссо—два величайшихъ имени XVIII-го вѣка; въ нихъ воплотились противоположныя черты этого вѣка, который столь-же восхваляется одними, сколько другими порицается. Дѣйствительно, вникая въ сочиненія и дѣятельность обоихъ, легко замѣтить, что въ одномъ господствуютъ критика, отрицаніе, борьба съ существующимъ, конкретное мышленіе, придерживающееся фактовъ, въ то время какъ положительныхъ идей мало и онѣ заимствованы; въ другомъ, напротивъ,—синтезъ, величественное построеніе, строго логическое обоснованіе оригинальныхъ мыслей, идеи переступающія границы опыта, не могущія быть ни оправданы, ни опровергнуты опытомъ: все это заставляетъ забывать невѣрность первоначальныхъ допущеній. И рѣчь ихъ противоположна: рѣчь одного живая, остроумная, полная ѣдкой ироніи; другой пишетъ торжественнымъ, полнымъ пафоса языкомъ. Вольтеръ и Руссо, по складу своего ума и по характеру, представляли полную противоположность; несмотря на это, читая ихъ, чувствуешь, что имѣешь дѣло съ однородными мыслителями, дѣтьми одного вѣка, пропитанными тождественными идеями. Эта тождественность по существу—и въ то-же время полная противополож-

ность ихъ не могли не сказаться и дѣйствительно сказались въ ихъ жизни. У нихъ однородныя стремленія, они вращаются въ одной и той-же сферѣ, а между тѣмъ съ самаго начала ихъ отношенія враждебны, и чѣмъ дальше, тѣмъ хуже. Эти два человѣка, слава которыхъ наполняла весь міръ, часто сталкивались, но ни разу не видѣлись. Если вникнуть въ причину ихъ раздоровъ, то окажется, что эти великіе мыслители ссорились не ради великихъ идей и принциповъ, а изъ-за самыхъ мелкихъ мотивовъ честолюбія, зависти и т. д.; можно сожалѣть о томъ, что біографія большинства значительныхъ дѣятелей XVIII в. намъ слишкомъ хорошо извѣстна: чувство уваженія отъ этого не возрастаетъ. Величіе требуетъ извѣстнаго отдаленія, благодаря косму личность пріобрѣтаетъ нѣкоторую таинственность (чему, конечно, способствуетъ малое количество біографическихъ свѣдѣній); поэтому и говорятъ, что нѣтъ пророка въ своемъ отечествѣ, или, по Шопенгауэру, — для лакея не бываетъ великаго человѣка. Въ частности въ данномъ случаѣ нельзя взыскивать вину въ ссорахъ исключительно на одну сторону, обѣля другую. какъ это сдѣлалъ не такъ давно Maugras въ своей книгѣ „Voltaire et Rousseau“ (Paris 1886), который во всемъ обвиняетъ Руссо. Зная подозрительность Руссо, любовь къ глумленію надъ ближними Вольтера и тщесловіе обоихъ, легко представить себѣ, какими должны были быть ихъ взаимныя отношенія.

Для характеристики ихъ отношеній мы намѣрены воспользоваться замѣчаніями Вольтера, сдѣланными на поляхъ тѣхъ изъ сочиненій Руссо, которыя имъ были прочитаны; эти замѣчанія не содержатъ въ себѣ ничего такого, что придавало-бы имъ самостоятельную цѣнность, но какъ образцы Вольтеровской критики и какъ матеріалъ, хотя очень скудный, для характеристики отношеній Вольтера къ Руссо, они не лишены интереса. Сверхъ того, различіе воззрѣній и характеровъ обоихъ знаменитыхъ писателей отлично видно изъ сопоставленія замѣчаній съ самимъ текстомъ. Мы сначала въ общихъ чертахъ расскажемъ исторію сношеній Воль-

тера и Руссо, а потомъ, напомнивъ содержаніе нѣкоторыхъ изъ сочиненій Руссо, присоединимъ къ нимъ упомянутыя замѣчанія Вольтера.

Прямые сношенія между двумя писателями завязались впервые въ 1745 году, когда Руссо написалъ Вольтеру письмо по поводу своей передѣлки пьесы Вольтера „*Princesse de Navarre*“ въ *Fêtes de Ramire*.

Вольтеръ находился тогда въ апогеѣ своей славы, Руссо же былъ совершенно неизвѣстенъ; любезный отвѣтъ, который получилъ отъ знаменитаго писателя Руссо, онъ въ послѣдствіи, въ своей исповѣди, объяснилъ тѣмъ, что Вольтеръ считалъ его находящимся подъ покровительствомъ маркиза Ришелье. Въ этотъ періодъ времени Руссо, какъ всѣ образованные люди, читалъ и восхищался Вольтеромъ, о чемъ онъ и рассказываетъ въ своей исповѣди (I часть, книга V). Въ 1749 году Руссо написалъ на премію Дижонской академіи свой знаменитый „*Discours sur les sciences et les arts*“, въ которомъ нападалъ на науку и искусство, находя, что онѣ развращаютъ нравы; попутно онъ упрекнулъ Вольтера въ томъ, что онъ подчиняетъ свой гений требованіямъ толпы изъ желанія заслужить ея похвалу. Въ отвѣтъ на этотъ вызовъ Вольтеръ отвѣчалъ краткой сатирой (*Timon*). Вѣроятно, что на самый *Discours* Вольтеръ не обратилъ большого вниманія, въ виду того, что, хотя это сочиненіе и получило премію, но принадлежало мало извѣстному автору, и самая тема, хотя и была оригинальной для того вѣка, но Руссо во многомъ повторялъ лишь отжившія мысли (напр. Петрарки, папы Иннокентія III и друг.); наконецъ въ экземплярѣ Вольтера не видно слѣдовъ чтенія, т.-е. рукописныхъ замѣтокъ. Съ содержаніемъ „*Discours*“ Вольтеръ познакомился, вѣроятно, изъ писемъ одного изъ своихъ многочисленныхъ корреспондентовъ.

Въ это время случился маленькій эпизодъ, который могъ-бы возбудить гнѣвъ злопамятнаго Вольтера. Онъ присутствовалъ въ театрѣ на представленіи одной изъ своихъ пьесъ; пьеса не понравилась публикѣ и была ошикана; разгнѣванный

авторъ обратился къ одному изъ свиставшихъ съ вопросомъ: „кто вы?“ и на отвѣтъ, что онъ Руссо, переспросилъ его: „какой Руссо? маленький Руссо?“ — Руссо (изъ Женевы), узнавъ объ этомъ эпизодѣ, поспѣшилъ письменно разъяснить Вольтеру, что это другой Руссо, а что онъ чувствуетъ къ нему глубочайшее уваженіе. И на этотъ разъ онъ получилъ коротенькую записку отъ Вольтера. Въ 1755 году Руссо снова написалъ на премію Дижонской академіи наукъ „Разсужденіе о происхожденіи неравенства между людьми“. Свое разсужденіе онъ послалъ Вольтеру, отъ котораго получилъ длинное письмо, съ приглашеніемъ побывать у него. Вольтеръ въ это время жилъ около Женевы. Письмо содержало въ себѣ похвалы разсужденію Руссо: „Я получилъ“, писалъ Вольтеръ, „ваше новое произведеніе, направленное противъ рода человѣческаго, и очень благодаренъ. Вы понравитесь тѣмъ людямъ, [которымъ] говорите правду въ глаза, но вы ихъ не исправите. Нельзя нарисовать болѣе сильными красками всѣ ужасы человѣческаго общества, отъ котораго наше невѣжество и наша слабость ожидаютъ столько пріятностей. Никогда еще не было пущено въ ходъ столько разума, чтобы сдѣлать насъ животными; просто хочется ползать на четверенькахъ, когда читаешь ваше сочиненіе. Однако вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ я потерялъ эту привычку, и чувствую, что къ несчастію мнѣ совершенно невозможно вновь ее пріобрѣсти; предоставляю эту естественную походку тѣмъ, которые болѣе достойны ея, чѣмъ мы съ вами“ и т. д. Руссо на это письмо отвѣтилъ посланіемъ, изъ котораго видно, что онъ чувствовалъ себя польщеннымъ отзывомъ Вольтера... Приведемъ теперь замѣчанія Вольтера, написанныя на поляхъ Разсужденія Руссо; для того однако, чтобы они не показались ужъ слишкомъ безсвязными, намъ придется напомнить вкратцѣ самое содержаніе Разсужденія.

„Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité parmi les hommes“. Amsterdam. Rey, 1755, посвященъ Женевской республикѣ.

Цѣль этого сочиненія состоитъ въ томъ, чтобы „показать въ развитіи вещей тотъ моментъ, когда право замѣнило насиліе и природа была подчинена закону“ (стр. 3). Однако это не историческое изслѣдованіе, какъ могло-бы показаться. „Начнемъ“, говоритъ Руссо, „съ устраненія всякихъ фактовъ, такъ какъ они не касаются вовсе вопроса“. Это, слѣдовательно, условныя разсужденія, которыя гораздо болѣе способны пояснить сущность вещей, чѣмъ это можетъ сдѣлать указаніе ихъ происхожденія. Слѣдовательно вопросъ идетъ не о дѣйствительномъ происхожденіи общественныхъ отношеній между людьми, а объ идеальномъ, такъ сказать, ихъ происхожденіи; и не о дѣйствительныхъ людяхъ, а о такихъ, какими они должны-бы быть, если-бы ихъ предоставить самимъ себѣ. Руссо такимъ образомъ изображаетъ человѣка на основаніи исключительно психологическихъ его качествъ, которые могли быть извращены воспитаніемъ и привычками, но не могли быть уничтожены.

Руссо не разбираетъ также вопроса о происхожденіи человѣка отъ другихъ животныхъ (стр. 10), а беретъ человѣка такимъ, какимъ онъ вышелъ прямо изъ рукъ природы, имѣющимъ многія физическія преимущества передъ животными. „Природа“, замѣчаетъ Руссо, „поступаетъ съ ними (съ людьми) совершенно такъ, какъ спартанскій законъ съ дѣтьми гражданъ; она дѣлаетъ сильными и здоровыми тѣхъ, которые правильно организованы, предоставляя всѣхъ остальныхъ гибели; въ этомъ она отличается отъ нашихъ обществъ, въ которыхъ государство дѣлаетъ дѣтей тягостными для отцевъ, *убиваетъ ихъ безъ разбора еще до ихъ рожденія*“. Слова „*les tue indistinctement*“ въ экземплярѣ Вольтера подчеркнуты и на поляхъ имъ отмѣчено: „темно и неумѣстно“ *). Восхваляя преимущества человѣка въ естественномъ состояніи передъ человѣкомъ, живущимъ въ обществѣ, Руссо договаривается до знаменитыхъ въ своемъ родѣ словъ: „Если

*) Obscur et mal placé.

авторъ обратился къ одному изъ свиставшихъ съ вопросомъ: „кто вы?“ и на отвѣтъ, что онъ Руссо, переспросилъ его: „какой Руссо? маленький Руссо?“ — Руссо (изъ Женевы), узнавъ объ этомъ эпизодѣ, поспѣшилъ письменно разъяснить Вольтеру, что это другой Руссо, а что онъ чувствуетъ къ нему глубочайшее уваженіе. И на этотъ разъ онъ получилъ коротенькую записку отъ Вольтера. Въ 1755 году Руссо снова написалъ на премію Дижонской академіи наукъ „Разсужденіе о происхожденіи неравенства между людьми“. Свое разсужденіе онъ послалъ Вольтеру, отъ котораго получилъ длинное письмо, съ приглашеніемъ побывать у него. Вольтеръ въ это время жилъ около Женевы. Письмо содержало въ себѣ похвалы разсужденію Руссо: „Я получилъ“, писалъ Вольтеръ, „ваше новое произведеніе, направленное противъ рода человѣческаго, и очень благодаренъ. Вы понравитесь тѣмъ людямъ, [которымъ говорите правду въ глаза, но вы ихъ не исправите. Нельзя нарисовать болѣе сильными красками всѣ ужасы человѣческаго общества, отъ котораго наше невѣжество и наша слабость ожидаютъ столько пріятностей. Никогда еще не было пущено въ ходъ столько разума, чтобы сдѣлать насъ животными; просто хочется ползать на четверенькахъ, когда читаешь ваше сочиненіе. Однако вотъ уже пятьдесятъ лѣтъ, какъ я потерялъ эту привычку, и чувствую, что къ несчастію мнѣ совершенно невозможно вновь ее пріобрѣсти; предоставляю эту естественную походку тѣмъ, которые болѣе достойны ея, чѣмъ мы съ вами“ и т. д. Руссо на это письмо отвѣтилъ посланіемъ, изъ котораго видно, что онъ чувствовалъ себя польщеннымъ отзывомъ Вольтера... Приведемъ теперь замѣчанія Вольтера, написанныя на поляхъ Разсужденія Руссо; для того однако, чтобы они не показались ужъ слишкомъ безсвязными, намъ придется напомнить вкратцѣ самое содержаніе Разсужденія.

„Discours sur l'origine et les fondemens de l'inégalité parmi les hommes“. Amsterdam. Rey, 1755, посвященъ Женевской республикѣ.

Цѣль этого сочиненія состоитъ въ томъ, чтобы „показать въ развитіи вещей тотъ моментъ, когда право замѣнило насиліе и природа была подчинена закону“ (стр. 3). Однако это не историческое изслѣдованіе, какъ могло-бы показаться. „Начнемъ“, говоритъ Руссо, „съ устраненія всякихъ фактовъ, такъ какъ они не касаются вовсе вопроса“. Это, слѣдовательно, условныя разсужденія, которыя гораздо болѣе способны пояснить сущность вещей, чѣмъ это можетъ сдѣлать указаніе ихъ происхожденія. Слѣдовательно вопросъ идетъ не о дѣйствительномъ происхожденіи общественныхъ отношеній между людьми, а объ идеальномъ, такъ сказать, ихъ происхожденіи; и не о дѣйствительныхъ людяхъ, а о такихъ, какими они должны-бы быть, если-бы ихъ предоставить самимъ себѣ. Руссо такимъ образомъ изображаетъ человѣка на основаніи исключительно психологическихъ его качествъ, которые могли быть извращены воспитаніемъ и привычками, но не могли быть уничтожены.

Руссо не разбираетъ также вопроса о происхожденіи человѣка отъ другихъ животныхъ (стр. 10), а беретъ человѣка такимъ, какимъ онъ вышелъ прямо изъ рукъ природы, имѣющимъ многія физическія преимущества передъ животными. „Природа“, замѣчаетъ Руссо, „поступаетъ съ ними (съ людьми) совершенно такъ, какъ спартанскій законъ съ дѣтьми гражданъ; она дѣлаетъ сильными и здоровыми тѣхъ, которые правильно организованы, предоставляя всѣхъ остальныхъ гибели; въ этомъ она отличается отъ нашихъ обществъ, въ которыхъ государство дѣлаетъ дѣтей тягостными для отцевъ, *убиваетъ ихъ безъ разбора еще до ихъ рожденія*“. Слова „*les tue indistinctement*“ въ экземплярѣ Вольтера подчеркнуты и на поляхъ имъ отмѣчено: „темно и неумѣстно“ *). Восхваляя преимущества человѣка въ естественномъ состояніи передъ человѣкомъ, живущимъ въ обществѣ, Руссо договаривается до знаменитыхъ въ своемъ родѣ словъ: „Если

*) Obscur et mal placé.

природа предназначала насъ быть здоровыми, то я согласенъ почти-что утверждать, что состояніе, созданное рефлексіей (*l'état de reflexion*), есть противоестественное состояніе и что разсуждающій человѣкъ есть развращенное животное". Все это мѣсто съ боку отмѣчено Вольтеромъ, а въ особенности подчеркнуты неудачныя слова „природа предназначила насъ быть здоровыми“ *). Разсмотрѣвъ человѣка съ точки зрѣнія физической, Руссо переходитъ къ метафизической и нравственной сторонѣ (стр. 29). Въ животномъ онъ не видитъ ничего иного, какъ остроумно придуманную машину, снабженную природою всѣми необходимыми принадлежностями, т. е. чувствами (*sens*) для поддержанія жизни. Человѣкъ отличается отъ животнаго только тѣмъ, что обладаетъ свободой воли (стр. 32) и способностью къ усовершенствованію (стр. 33). Обѣ эти мысли вызвали замѣчанія Вольтера; что касается вопроса о свободѣ воли, то, какъ извѣстно, Вольтеръ въ теченіи своей долгой жизни совершенно измѣнилъ свои воззрѣнія: онъ началъ съ индетерминизма и кончилъ детерминизмомъ. Въ метафизическомъ трактатѣ, писанномъ для маркизы Шателе, онъ высказываетъ мысли совсѣмъ подобныя тѣмъ, которыя мы встрѣтили у Руссо, но уже въ „Невѣжественномъ философѣ“, появившемся въ 1766 году, онъ говоритъ, что не бываетъ слѣдствія безъ причины: быть свободнымъ не значитъ хотѣть, чего хочешь, а дѣлать, что хочешь; если я могу совершить то, что я хочу, то я свободенъ, хочу-же я извѣстнаго по необходимости, ибо въ противномъ случаѣ я хотѣлъ-бы безпричинно. Въ 1755 году, когда появилось разсужденіе Руссо, мнѣнія Вольтера могутъ быть еще не приняли этой опредѣленной формы. Въ послѣдствіи онъ повторялъ неоднократно эту мысль; теперь онъ ограничился лаконическимъ замѣчаніемъ по поводу ученія Руссо: „Вотъ достаточно дурная метафизика **). Что

*) Nous a destiné à être sains.

**) Voila une assez mauvaise métaphysique.